

1

Началось все на Централ-авеню, в одном из смешанных кварталов, заселенных пока что не только неграми. Я вышел из крохотной парикмахерской на три кресла — там, как полагали в одном бюро по трудоустройству, мог временно работать некий Димитриос Алейдис. Дело было не бог весть каким. Супруга изъявила готовность слегка раскошелиться, дабы вернуть мужа домой.

Я так его и не нашел, а миссис Алейдис так мне ничего и не заплатила.

Кончался март, день был теплым, я стоял возле парикмахерской, созерцая броскую вывеску на втором этаже игорно-питейного заведения, именуемого «Флориан». Вывеска привлекла внимание еще одного человека. Он таращился на грязные окна кафе с восторженностью иммигранта из Восточной Европы, наконец узревшего статую Свободы. Это был довольно крупный мужчина — правда, не выше шести футов пяти дюймов и не шире пивной цистерны. Стоял он футах в десяти от меня. Руки его свисали вдоль туловища, между огромных пальцев дымилась забытая сигара.

Стройные невозмутимые негры, проходя мимо, бросали в его сторону торопливые взгляды.

На этого детину стоило посмотреть. Он был в ворсистой фетровой шляпе, сером спортивном пиджаке, застегнутом на белые пуговицы величиной с теннисный мяч, коричневой рубашке с желтым галстуком, отглаженных в стрелку брюках из серой фланели и туфлях крокодиловой кожи с белым рисунком. Из нагрудного кармана свисал платок, такой же ярко-желтый, как и галстук. Шляпу украшала парочка разноцветных перьев, хотя без них можно было бы и обойтись. Даже на Централ-авеню, где люди одеты не скромнее всех в мире, он выглядел так же неприметно, как тарантул на ломтике белого воздушного пирога.

На его бледном лице прорастала щетина. Видимо, он быстро обрастал. Волосы вились, густые брови почти сходились над широким носом. Уши для человека такого роста были маленькими, почти изящными, глаза блестели, словно увлажнившиеся, что в общем-то характерно для серых глаз. Постояв, будто статуя, он наконец улыбнулся, неторопливо подошел к дверям, ведущим к лестнице на второй этаж, одним толчком распахнул их, бросил холодный, ничего не выражающий взгляд в одну сторону, в другую и вошел внутрь. Будь он поменьше ростом и поскромнее одет, я бы принял его за грабителя. Но не идти же на дело в подобном наряде, да еще при таком телосложении.

Двери закачались на петлях. Не успели они замереть, как опять с силой распахнулись. Что-то перелетело через тротуар и приземлилось между стоящими машинами. Упав на руки и колени, оно издало пронзительный жалобный вопль, словно загнанная в угол крыса, с трудом поднялось, на-

дело шляпу и шагнуло на тротуар. Это был худощавый, узкоплечий коричневый парень в лиловом костюме с гвоздикой в петлице. Темные волосы его были прилизаны. С минуту он скулил, не закрывая рта. Прохожие без особого интереса поглядывали на него. Потом он поправил шляпу, прошмыгнул к стене и молча зашагал прочь косолапой походкой.

Наступила тишина. Движение на улице возобновилось. Я подошел к дверям и остановился перед ними. Теперь они замерли. Все это совершенно меня не касалось. Поэтому я приоткрыл их и заглянул.

Из темноты вынырнула ручища, на которой я мог бы усесться, и вцепилась мне в плечо, превращая его в кашу. Потом втянула меня внутрь и небрежно поставила на ступеньку лестницы. Передо мной оказалось только что виденное лицо. Глубокий мягкий голос негромко произнес:

— Что здесь нужно черномазым? Растолкуй-ка мне, дружище.

Было темно. Тихо. Сверху чуть слышно доносились голоса, но на лестнице были мы одни. Гигант торжествующе смотрел на меня и продолжал уродовать мое плечо.

— Мне тут попался один негритос. Так я его вышвырнул. Видел, как он вылетел?

Гигант выпустил меня. На перелом было не похоже, но рука онемела.

— Чего ж ты хочешь? — сказал я, потирая плечо. — Это негритянское кафе.

— Не болтай ерунды, приятель, — негромко, словно четверка тигров с набитым брюхом, про-

мурлыкал гигант. — Здесь работала Вельма. Малышка Вельма.

И опять потянулся к моему плечу. Я хотел увернуться, но он оказался быстрым, как кошка. Железные пальцы снова принялись разжевывать мои мышцы.

— Угу, — сказал гигант. — Малышка Вельма. Целых восемь лет не виделся с ней. Говоришь, тут заведение для черномазых?

Я хрипло подтвердил.

Он втащил меня еще на две ступеньки. Я стал вырываться. Пистолета у меня не было. Оружие для поисков Димитриоса Алейдиса не требовалось. Да и вряд ли имело бы смысл хвататься за пистолет. Гигант, скорее всего, отнял бы его у меня и сожрал.

— Поднимись, посмотри сам, — сказал я, стараясь не выдавать голосом боли.

Гигант снова отпустил меня. Посмотрел с какой-то печалью в серых глазах.

— У меня хорошее настроение, — сказал он. — И я никому не позволю его портить. Пошли наверх, промочим глотку.

— Тебя не обслуживают. Это негритянское кафе.

— Я не видел Вельмы восемь лет, — сказал он глубоким, печальным голосом. — Восемь долгих лет прошло с тех пор, как я простился с ней. И шесть лет не получал от нее писем. Но это ей придется объяснить. Работала она здесь. Красавица. Ну что, идем наверх?

— Ладно! — выкрикнул я. — Пошли. Только не тащи меня. Дай идти самому. Я здоров. Я взрослый. Сам хожу в туалет и все такое прочее. Не тащи.

— Малышка Вельма работала здесь, — с нежностью произнес гигант. Меня он не слушал.

Мы пошли наверх. Он позволил мне идти самому. Плечо у меня ныло. Затылок взмок.

2

Такие же двери, как внизу, отделяли верхнюю площадку лестницы от пространства за ними. Гигант небрежно распахнул их большим пальцем, и мы вошли в зал — длинное узкое помещение, не особенно чистое, не особенно светлое, не особенно веселое. В углу за игорным столом болтала и напевала группа негров. Справа у стены располагалась стойка. Остальная часть зала была занята маленькими круглыми столиками. За ними сидело несколько посетителей, мужчины и женщины, сплошь негры.

Пение у игорного стола внезапно оборвалось, свет над ними погас. Наступило молчание, тяжелое, как полузатопленная лодка. На нас уставились глаза, карие на лицах всевозможных оттенков, от серого до совершенно черного. Головы медленно поворачивались к нам, глаза сверкали в глухом, враждебном молчании людей иной расы.

У входа за стойкой сидел, привалясь к ней грудью, рослый, крепкий негр без пиджака, с розовыми нарукавными резинками и бело-розовыми подтяжками, скрещенными на широкой спине. Сразу было видно, что это вышибала. Он медленно опустил приподнятую ногу, неторопливо обернулся, провел по губам широким языком и воз-

зрится на нас. Лицо его было обезображено, — казалось, по нему не лупили разве что ковшом экскаватора. Все в шрамах, шишках, вмятинах, швах. Этому лицу уже ничего не было страшно. Его уродовали всем, что только можно себе представить. Короткие курчавые негритянские волосы начинали седеть, одно ухо было без мочки.

Вышибала был грузным, плечистым. С крепкими, мощными ногами, слегка кривыми, что у негров бывает нечасто. Он еще раз облизнул губы, улыбнулся и направился в нашу сторону походкой человека, привыкшего давать волю кулакам. Гигант молча поджидал его.

Негр с розовыми нарукавными резинками уперся массивной коричневой пятерней гиганту в грудь. Пятерня походила на лопату. Гигант не шелохнулся. Вышибала одарил его любезной улыбкой:

— Белых не обслуживаем, браток. Только для цветных.

Гигант повел маленькими серыми печальными глазами, осматривая зал. Щеки его чуть порозовели.

— Негритянский шалман, — сердито буркнул он под нос. И, повысив голос, спросил вышибалу: — Где Вельма?

Вышибала не засмеялся в открытую. Вертя головой, он стал со всех сторон оглядывать гиганта, его коричневую рубашку и желтый галстук, грубый серый пиджак и белые пуговицы. Глянул на крокодиловые туфли и негромко хохотнул. Было похоже, что он потешается. Мне даже стало немного жаль его. Он снова негромко заговорил:

— Вельма, говоришь? Здесь тебе не будет никакой Вельмы, браток. Ни выпивки, ни девочек, ничего. Кроме отправки за дверь, белый, кроме отправки за дверь.

— Вельма работала здесь, — сказал гигант. Почти задумчиво, словно бродил в одиночку по лесу и собирал фиалки.

Я достал платок и снова вытер затылок.

Вышибала неожиданно расхохотался.

— Ну как же, — сказал он, бросив через плечо быстрый взгляд на публику. — Работала. Но больше не работает. Ушла на пенсию. Ха. Ха.

— Убери свою грязную лапу с моей рубашки, — сказал гигант.

Вышибала нахмурился. К подобному обращению он не привык. Убрав руку с рубашки, он сжал ее в кулак, напоминающий размером и цветом большой баклажан. Ему надо было думать о своей работе, репутации крутого парня, престиже. Думал он всего лишь секунду и оплошал. Резко вскинув локоть, он нанес гиганту короткий сильный удар в челюсть. По залу пронесся негромкий вздох.

Удар был хорош. С выносом плеча, с разворотом корпуса. Этот человек знал толк в таких делах. Но голова гиганта подалась всего лишь на дюйм. Не пытаясь заблокировать удар, он принял его, слегка встряхнулся, негромко хмыкнул и схватил вышибалу за горло.

Вышибала попытался двинуть его коленом в пах. Гигант оторвал его от пола, повернул и чуть расставил ноги, скользнув по затертому линолеуму своими шикарными туфлями. Перегнув негра

назад, он ухватил его правой рукой за пояс. Пояс лопнул, как надрезанная веревка. Гигант приложил свою огромную ладонь к спине вышибалы, приподнял его и швырнул. Вертясь, дергаясь и размахивая руками, вышибала полетел через весь зал. Трое негров отскочили в сторону. Опрокинув столик, вышибала шмякнулся о плитус с таким грохотом, что, пожалуй, было слышно в Денвере. Ноги его дернулись. Потом он замер.

— Кое-кто, — произнес гигант, — плохо представляет, когда можно нагнеть. — И обернулся ко мне: — Ладно. Пошли, пропустим по стаканчику.

Мы направились к стойке. Посетители, превратясь в безмолвные тени, бесшумно проносились через зал и по одному, по двое, по трое выскальзывали из дверей. Беззвучно, словно тени на траве. Двери даже не успевали качнуться.

Мы сели за стойку.

— Виски-сауэр¹, — сказал гигант. — Говори, чего тебе.

— То же самое, — сказал я.

Дождаться нам не пришлось.

Гигант бесстрастно опрокинул в горло виски из толстого низкого стакана. И мрачно уставился на бармена — худощавого испуганного негра в белой куртке, ковылявшего так, словно у него болят ноги.

— Ну а ты знаешь, где Вельма?

— Вельма, говорите? — заскулил бармен. — В последнее время я ее тут не видел. Долго уже не видел, сэр.

¹ *Виски-сауэр* — коктейль из виски с лимонным соком и сахарным сиропом.

— Давно ты здесь?

— Сейчас скажу.

Отложив полотенце, бармен наморщил лоб и стал загибать пальцы:

— Месяцев девять, пожалуй. Около года. Примерно...

— Шевели же мозгами, — сказал гигант.

Бармен захихикал, кадык его задержался, как обезглавленный цыпленок.

— И давно тут заведение для черномазых? — ворчливо спросил гигант.

— Что вы сказали?

Гигант сжал кулак, стакан почти скрылся в нем.

— Лет пять, не меньше, — сказал я. — Этот парень ничего не знает о белой женщине по имени Вельма. И никто здесь не знает.

Гигант посмотрел на меня так, словно я только что вылупился. Виски, похоже, не улучшил его настроения.

— А тебя кто просит соваться, черт возьми?

Я улыбнулся. Широко и дружелюбно.

— Мы же вместе пришли. Не помнишь?

Гигант ответил вялой, невразумительной белозубой усмешкой.

— Виски-сауэр, — приказал он бармену. — И пошевеливайся. Живей, живей.

Бармен засуетился, вращая белками глаз. Я повернулся спиной к стойке и оглядел зал. Теперь здесь не было никого, кроме бармена, гиганта и меня да еще вышибалы, треснувшего о стену. Вышибала двигался еле-еле, словно с громадным трудом и болью. Тихо, как муха с оборванными крылышками, он полз за столиками вдоль плинтуса, внезапно постаревший, внезапно разуверив-

шийся в себе. Я смотрел, как он ползет. Бармен поставил еще два виски-сауэр. Гигант бросил равнодушный взгляд на ползущего вышибалу и больше не обращал на него внимания.

— От прежнего заведения ничего не осталось, — пожаловался он. — Тут была небольшая эстрада, оркестр и уютные комнатки, куда ходили поразвлечься. Вельма пела. Рыженькая, красивая на загляденье. Мы собирались пожениться, только кто-то донес о том деле.

Я взял второй стакан. Мне это приключение уже стало надоедать.

— О каком деле?

— Где, по-твоему, я пропадал восемь лет?

— Ловил бабочек.

Гигант ткнул себя в грудь похожим на банан указательным пальцем:

— Отбывал срок. Мэллой моя фамилия. За силу меня прозвали Лось Мэллой. Я грабанул «Грейт Бенд банк». Сорок тысяч. Сам, в одиночку. Недурно, а?

— Теперь будешь их тратить?

Гигант бросил на меня колючий взгляд. Позади нас послышался какой-то шум. Вышибала уже поднялся на ноги и стоял, чуть пошатываясь. Он держался за ручку двери позади игорного стола. Потом открыл дверь и ввалился туда. Дверь захлопнулась. Щелкнул замок.

— Что там такое? — спросил Лось Мэллой.

Глаза бармена забегали и с трудом остановились на двери, за которой скрылся вышибала.

— Т-там контора, сэр. Кабинет мистера Монтгомери. Хозяина.

— Может, он знает, — сказал гигант и проглотил свой виски одним глотком. — Только наглеть ему не стоит. Двое уже пытались.

Он неторопливо пошел к двери легким шагом, не опасаясь ничего на свете. Заслонил своей огромной спиной весь проем. Дверь оказалась заперта. Лось дернул ручку, сбоку отлетел кусок филенки. Потом вошел и прикрыл за собой дверь.

Наступила тишина. Я смотрел на бармена. Бармен — на меня. Взгляд его стал задумчивым. Он протер стойку, вздохнул и опустил правую руку.

Я подскочил и перехватил ее. Рука была тонкой, хрупкой. Не выпуская руки, я улыбнулся ему:

— Что там у тебя, малыш?

Бармен навалился на мою руку, облизнул губы и ничего не ответил. Лоснящееся лицо его поседело.

— Это крутой человек, — сказал я. — И легко выходит из себя. Так на него действует выпивка. Он разыскивает женщину, которую знал раньше. Здесь было заведение для белых. Улавливаешь?

Бармен облизнул губы.

— Он долго пропадал, — сказал я. — Восемь лет. И похоже, не представляет, как это долго, хотя, мне думается, они показались ему вечностью. Улавливаешь?

— Я думал, вы с ним заодно, — протянул бармен.

— Пришлось составить ему компанию. Он задал мне внизу один вопрос, а потом потащил сюда. Я вижу его впервые. Но с такими лучше не ссориться. Что там у тебя?

— Обрез, — сказал бармен.

— Тсс. Это противозаконно, — прошептал я. — Слушай, будем действовать вместе. Есть еще что?

— Пистолет, — ответил бармен. — В сигарной коробке. Пусти руку.

— Отлично, — сказал я. — А теперь отойди в сторону. Спокойней. Хвататься за оружие повременим.

— Еще чего, — ощерился бармен, пытаясь вырваться. — Еще...

Он не договорил. Глаза его закатились. Голова дернулась.

Из-за двери позади игорного стола раздался гулкий отрывистый звук. Можно было подумать, что хлопнула дверь. Но я так не думал. Бармен тоже.

Он замер. Челюсть его отвисла. Я прислушался. Больше ни звука. Я торопливо бросился к входу за стойку. Прислушивался я слишком долго.

Дверь со стуком распахнулась, Лось Мэллой неторопливо, спокойно шагнул вперед и замер в уверенной позе, с широкой усмешкой на бледном лице.

Армейский кольт сорок пятого калибра в его ручище казался детской игрушкой.

— Без фокусов, — лениво предупредил он. — Руки на стойку.

Бармен и я положили руки на стойку.

Лось Мэллой окинул взглядом зал и молча направился к нам, усмешка его была напряженной, застывшей. Даже в своем наряде он походил на человека, способного ограбить банк в одиночку.

— Подними лапы, черномазый, — негромко сказал он, подойдя к стойке.

Бармен задрал руки. Гигант подошел ко мне и старательно ощупал меня левой рукой. Дыхание гиганта обжигало мне шею. Потом я перестал его ощущать.

— Мистер Монтгомери тоже не знал, где Вельма, — сказал гигант. — И хотел объясниться со мной — при помощи этой штуки.

Он похлопал по пистолету твердой ладонью. Я неторопливо обернулся и взглянул на него.

— Да, — сказал гигант. — Ты меня опознаешь. Ты меня не забудешь, приятель. Только скажи ищейкам, что главное — это осторожность.

И поиграл пистолетом.

— Ну пока, хлопики. Я пошел на трамвай. — И направился к лестнице.

— Ты не расплатился за выпивку, — сказал я.

Гигант остановился и пристально поглядел на меня:

— Может, ты и прав, но лучше не настаивай.

Потом вышел, и было слышно, как он затопал вниз по лестнице.

Бармен нагнулся. Я бросился за стойку и оттолкнул его. Под стойкой на полке лежал прикрытый полотенцем дробовик с укороченным стволом. А рядом коробка из-под сигар, в ней оказался автоматический пистолет тридцать восьмого калибра. Я забрал и пистолет, и обрез. Бармен прижался спиной к посудной полке.

Выйдя из-за стойки, я направился к распахнутой двери за игорным столом. Там был едва освещенный коридор в форме буквы Г. На полу валялся без сознания вышибала с ножом в руке. Я на-

гнулся, взял нож из вялой руки и швырнул на черную лестницу. Дышал вышибала прерывисто.

Переступив через него, я открыл дверь с черной облупленной надписью «Контора».

У окна, наполовину заколоченного досками, стоял небольшой обшарпанный стол. За столом сидел человек, торс его был совершенно прямой. Спинка стула доходила до основания шеи, сложенной пополам, словно платок или дверная петля. Голова была запрокинута так, что нос указывал на заколоченное окно.

Правый ящик стола был выдвинут. В нем лежала газета со следами смазки. Пистолет, наверное, появился оттуда. Возможно, при зарождении эта идея казалась удачной, но положение головы мистера Монтгомери доказывало ее порочность.

На столе стоял телефон. Я положил обрез и, прежде чем звонить в полицию, пошел и запер дверь.

Так я чувствовал себя в большей безопасности, и мистер Монтгомери, похоже, ничего не имел против.

Когда парни из патрульной машины затопали по лестнице, вышибала и бармен куда-то скрылись, оставив заведение на меня.

3

Дело это поручили Налти, узколищему брюзге с длинными желтыми пальцами; говоря со мной, он почти все время держал их сплетенными на колене. Это был прикрепленный к 77-му участку

лейтенант сыскной полиции, беседовали мы с ним в голой комнатушке, у стен друг против друга стояли два маленьких столика, разойтись вдвоем между ними не удалось бы. На полу был грязно-бурый линолеум, в воздухе стоял запах сигарных окурков. Рубашка Налти была заношена до дыр, обшлага пиджака он завернул вовнутрь. Судя по его затрапезному виду, он был честен, но вряд ли пригоден для розысков Лося Мэллоя.

Налти зажег недокуренную сигару, швырнул спичку на пол, где их валялась уже целая куча, и недовольно произнес:

— Черномазые. Опять убийство черномазого. Я прослужил восемнадцать лет в этом управлении, черт бы его побрал, и вот чем занимаюсь. Ни снимка тебе в газете, ни статейки, ни хотя бы четырех строк в разделе объявлений.

Я промолчал. Налти взял мою визитную карточку, повторно ознакомился с ней и бросил на стол.

— Филип Марло. Частный детектив. Из этой публики, значит. Черт, вид у тебя довольно внушительный. Что ты делал все это время?

— Какое?

— Пока Мэллой свертывал шею тому негритосу?

— Находился в другой комнате, — ответил я. — Мэллой не предупредил меня, что намерен сломать кому-то шею.

— Смейся надо мной, — с горечью произнес Налти. — Ну смейся же. Надо мной все потешаются. Одним больше — не все ли равно? Бедный старина Налти. Каждый старается отпустить по

его адресу парочку острот. Вечная мишень для насмешек.

— Смеяться ни над кем не собираюсь, — сказал я. — Говорю вам правду — я был в другой комнате.

— Ясно, ясно, — сказал Налти, выпуская струю вонючего сигарного дыма. — Я же был там и все видел. Пушку не носишь?

— На такой работе — нет.

— Какой «такой»?

— Я разыскивал парикмахера, который сбежал от жены. Она надеялась, что я уговорю его вернуться.

— Парикмахер негр?

— Нет, грек.

— Ладно, — сказал Налти и сплюнул в мусорную корзину. — Как вы встретились с этим Мэлом?

— Я уже говорил. Оказался там я случайно. Он вышвырнул негра из дверей кафе, а я сдуру сунулся поглазеть, что происходит. И он втащил меня наверх.

— Подталкивал пистолетом в спину?

— Нет, оружия у него тогда не было. Во всяком случае, он его не вынимал. Этот пистолет, видимо, Лось отнял у Монтгомери. А наверх он меня просто внес. Иной раз я не прочь дать отдых ногам.

— Что-то не верится, — заявил Налти. — Так уж это легко — внести тебя наверх.

— К чему спорить? — сказал я. — Этого человека я видел, а вы — нет. Меня или вас он мог бы носить на часовой цепочке вместо брелока. Пока

он не ушел, я и не знал, что там кто-то убит. Выстрел я слышал, но решил, что негр выстрелил с перепугу, а Мэллой отнял у него пистолет.

— А почему ты так решил? — спросил Налти почти учтиво. — Грабил банк он с пистолетом, не так ли?

— По одежде. Если б Мэллой собирался кого-то убить, то не стал бы так наряжаться. Он искал свою бывшую подружку по имени Вельма. Она работала во «Флориане», или как там называлось это заведение, пока не перешло к неграм. Там-то он и был арестован. Вы найдете его.

— Еще бы, — сказал Налти. — Такого детину, да еще так разодетого. Запросто.

— У него, наверное, есть другой костюм, — сказал я. — И машина, и укрытие, и деньги, и дружки. Но вы его найдете.

Налти опять сплюнул в мусорную корзину.

— Найду, — сказал он, — к тому времени, когда в третий раз вставлю себе зубы. Сколько человек заняты этим делом? Один. И знаешь почему? О таких делах в газетах — ни строчки. Как-то на Восемьдесят четвертой Восточной пятеро черных устроили поножовщину. Один был уже холодным. Вся мебель, стены и даже потолок в кровище. Я отправился туда, вижу — парень из «Кроникл», репортер, сходит с крыльца и садится в машину. Скривил рожу, говорит: «Негритосы, ну их к черту», плюхнулся на сиденье и укатил. В дом даже и не вошел.

— Может, Лось нарушил правила условного освобождения, — сказал я. — В таком случае вам дадут кого-то в помощь. Только берите его осто-

рожно, а то он разделяется и с двумя нарядами полиции. Уж тогда о вас напишут в газетах.

— И отстранят от этого дела, — фыркнул Налти.

На его столе зазвонил телефон. Потом он что-то записал в блокнот, и в его глазах появился легкий блеск, напоминающий отдаленный свет в пыльном коридоре.

— Ага, Мэллой у них значится. Звонили из архива. Имеются его пальчики, фото и прочее. Уже кое-что.

Он уставился в блокнот:

— Черт возьми, ну и экземпляр! Рост шесть футов пять с половиной дюймов, вес без галстука двести шестьдесят пять фунтов. Вот это парнище! Ну черт с ним. О его розыске объявят по радио. Видимо, после перечня угнанных автомобилей. И придется ждать, делать нечего.

Сигара его полетела в плевательницу.

— Попробуйте найти эту Вельму, — посоветовал я. — Мэллой будет ее искать. Ведь с этого все и началось. Займитесь Вельмой.

— Займись сам, — сказал Налти. — Я уже лет двадцать не бывал в публичных домах.

Я поднялся, сказал: «Идет» — и направился к выходу.

— Эй, погоди, — сказал Налти. — Я пошутил. Ты ж очень занят, так ведь?

Я остановился у двери, повертел сигарету в пальцах и взглянул на него.

— Значит, у тебя найдется время поискать эту дамочку. Мысль неплохая. Может, и раскопаешь чего-нибудь. Работай в открытую, делов-то.

— С какой стати мне ее искать?

Налти с грустным видом развел своими желтыми руками. Улыбка его была хитрой, как сло-манная мышеловка.

— У тебя возникали осложнения с нашими ребятами. Не отрицай. Я слышал. Впредь тебе не помешает иметь друга.

— И что мне это даст?

— Послушай, — настойчиво сказал Налти. — Я просто тихий человек. Но в этой конторе любой человек может сделать для тебя много полезного.

— Поработать из дружеских чувств — или вы что-то платите деньгами?

— Никаких денег, — сказал Налти и сморщил свой желтый унылый нос. — Но мне нужна небольшая помощь. С последней перетряски дела идут очень плохо. Я этого не забуду, друг. Никогда.

Я взглянул на часы:

— Ладно, если что надумаю, то сообщу вам. А когда придет фотография, опознаю ее. После того, как вы угостите меня обедом.

Мы обменялись рукопожатием, я прошел по грязному коридору и спустился по ступеням к своей машине.

С тех пор как Лось Мэллой покинул «Флориан» с армейским кольтом в руке, прошло два часа. Я пообедал в аптеке-закусочной, купил пинту бурбона, поехал на восток к Сентрал-авеню, а там свернул на север. Догадки мои были зыбкими, как марево над тротуаром.

Взялся я за это дело лишь из любопытства. Но честно говоря, у меня вот уже месяц не было никакой работы. Даже бесплатная работа — хоть какое-то разнообразие.

Кафе «Флориан», разумеется, было закрыто. Перед ним сидел в машине явный шпик и вполглаза читал газету. Я не мог понять, зачем это нужно. Лося Мэллоя там никто не знал. Вышибалу и бармена не нашли. Жители квартала утверждали, что знать их не знают.

Я медленно проехал мимо, остановил машину за углом, и перед моим взором оказался негритянский отель, стоящий наискось от «Флориана» на другой стороне улицы. Назывался он «Сан-Суси». Я вылез из машины, пересек улицу и вошел туда. Ковровая дорожка, по сторонам ее — два ряда пустых жестких стульев. В тусклой глубине виднелась конторка, за ней, прикрыв глаза и сложив перед собой пухлые коричневые руки, сидел лысый мужчина. Он дремал или притворялся дремлющим. На нем был галстук с широким концом, завязанный, по всей видимости, где-то в конце прошлого века. Булавку украшал зеленый камень чуть поменьше яблока. Большой отвислый подбородок спадал на галстук мягкими складками, холеные руки были спокойно сложены, на красном маникюре проступали сероватые полумесяцы.

Штампованная металлическая табличка у его локтя гласила: «Отель находится под охраной Международного объединения агентств».

Когда спокойный коричневый человек вопросительно глянул на меня одним глазом, я указал на табличку:

— Из ООО, с проверкой. Есть какие-нибудь неприятности?

ООО — это отдел охраны отелей, занимается он теми, кто подделывает чеки и удирает по черным лестницам, оставляя неоплаченные счета и набитые кирпичами чемоданы.

— Неприятности, братец, — ответил портье высоким, звучным голосом, — у нас только-только прекратились. — И, понизив голос на пять или шесть тонов, спросил: — Как, вы сказали, ваше имя?

— Марло. Филип Марло.

— Хорошее имя, братец. Ясное и веселое. Выглядите вы сегодня недурно. — Он снова понизил голос: — Только вы не из ООО. Я не видел никого оттуда уже много лет. — И, разведя руками, лениво указал на табличку: — Куплена с рук, братец. Просто для виду.

— Ладно, — сказал я, облокотился на стойку и стал вертеть полудолларовую монету на голой исцарапанной поверхности. — Слышал, что произошло во «Флориане» сегодня утром?

— Не помню, братец, может, и слышал. — Но теперь он открыл оба глаза и неотрывно смотрел на блики вертящейся монеты.

— Прикончили хозяина, — сказал я. — Некоего Монтгомери. Сломали шею.

— Да упокоит Господь его душу, братец. — Голос понизился снова. — Вы полицейский?

— Частный сыщик по секретному делу. И я сразу же вижу, может ли человек хранить секреты.

Портье изучающе посмотрел на меня, потом опять прикрыл глаза и задумался. Снова неторопливо открыл их и уставился на вертящуюся монету. Оторвать взгляд от нее было выше его сил.

— Кто же это? — негромко спросил он. — Кто прикончил Сэма?

— Один бандит, только что из тюрьмы. Он разозлился, что кафе не для белых, как, видимо, было раньше. Может, ты помнишь?

Портье не ответил. Монета с легким звоном упала, подскочила и замерла.

— В долгу не останусь, — сказал я. — Могу прочесть тебе главу из Библии или поднести стаканчик. На выбор.

— Библию, братец, я читаю в кругу семьи. — Взгляд его был ясным, льстивым, неотрывным.

— Может, ты недавно пообедал, — сказал я.

— Обед, — сказал портье, — такая штука, без которой человек моей комплекции и характера старается обходиться. — Голос понизился. — Зайдите сюда.

Я зашел за стол, достал из кармана плоскую бутылку бурбона и поставил на полку. Затем вернулся на прежнее место. Портье нагнулся и стал пристально ее разглядывать. Вид у него был довольный.

— Братец, этим вы ничего не добьетесь, — сказал он. — Но я буду рад пропустить глоток за компанию с вами.

Открыв бутылку, портье поставил на стол два стаканчика и осторожно наполнил их до краев. Поднял один, старательно понюхал и, оттопырив мизинец, опрокинул в рот.

Распробовав виски, он подумал, кивнул и сказал:

— Эта штука из нужной бутылки, братец. Чем могу быть полезен? В этой округе нет ни единой трещинки на тротуаре, которой бы я не знал. Да, сэр, у хорошего человека и виски хороший.

И снова наполнил свой стаканчик.

— У Сэма приличное, тихое заведение, — сказал он. — Там за целый месяц никого не пырнули ножом.

— Как оно называлось лет шесть-восемь назад, когда было заведением для белых?

— Световые надписи стали дорого стоить, братец.

Я кивнул:

— Так и думал, что название осталось прежним. Если б оно изменилось, Мэллой, наверное, сказал бы об этом. А кто был владельцем кафе?

— Удивляете вы меня, братец. Этого несчастного грешника звали Флориан. Майк Флориан.

— И что же случилось с Майком Флорианом?

Негр учтиво развел своими коричневыми руками. Голос его был печальным и звучным.

— Умер он, братец. Господь прибрал его. Лет пять или шесть назад. Точно не помню. Беспорядочная жизнь, братец, и, как я слышал, испорченные пьянством почки. Нечестивый человек умирает как безрогий бык, братец, однако на небесах его ожидает милосердие. — И добавил обычным голосом: — Будь я проклят, если знаю почему.

— У него остался кто-нибудь из родных? Налей себе еще.

Портье заткнул бутылку пробкой и отодвинул.

— Двух мне хватит, братец, — до вечера. Спасибо. Ваша манера разговаривать льстит достоинству человека... Осталась вдова. По имени Джесси.

— Что случилось с ней?

— Искать знания — значит много спрашивать. Про вдову я не слышал. Загляните в телефонный справочник.

В темном углу вестибюля стояла переговорная кабина. Я вошел в нее и прикрыл дверь, чтобы зажечь свет. Заглянул в потрепанную книгу, прикрепленную цепочкой к полке. Фамилии Флориан там не оказалось. Я вернулся к столу:

— Не нашел.

Негр с сожалением наклонился, выложил на стол адресный справочник, придвинул ко мне и сомкнул глаза. Ему стало скучно. В адресной книге значилась Джесси Флориан. Жила она на Пятьдесят четвертой Западной улице, дом 1644. Мне стало любопытно, чем же я пользовался всю жизнь вместо мозгов.

Записав адрес на клочке бумаги, я отодвинул книгу. Негр вернул ее туда, откуда извлек, пожал мне на прощание руку, потом сложил руки на столе таким же образом, как до моего прихода. Глаза его медленно закрылись, и он, казалось, уснул.

Этот эпизод для него закончился. Подходя к двери, я обернулся. Глаза негра были закрыты, дышал он мягко и ровно, чуть причмокивая губами. Лысина его поблескивала.

Я вышел из отеля «Сан-Суси» и направился к своей машине. Все это казалось слишком простым. Чересчур уж простым.

5

Дом номер 1644 на Пятьдесят четвертой Западной улице оказался рассохшейся коричневой развалюхой, перед ним был иссохший коричневый газон. Ствол крепкой с виду пальмы украшало большое голое пятно. На веранде одиноко сто-